

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Жуковский и время

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2007

Е.Г. Новикова

**«Таинственный посетитель» В.А. Жуковского
и Ф.М. Достоевского: к проблеме художественного метода**

Проблема «Жуковский и Достоевский» в литературоведении последнего времени обсуждается достаточно активно¹; закономерно, что особое внимание ей уделяется в томской филологической школе², в частности А.С. Янушкевич, которому принадлежит специально разработанная программа изучения указанной проблемы, особо подчеркивает ее «методологическую значимость»³ для осмысления судьбы русского романтизма в литературе последующих эпох.

В свою очередь, одним из самых насущных вопросов в современной науке о Достоевском является сегодня вопрос о его художественном методе. Еще недавно многим из нас (в том числе и автору данной работы) казалось, что проблемы художественного метода навсегда остались в «советском» прошлом нашего литературоведения. Однако мы вынуждены вновь и вновь обращаться к ним, осмысляя именно методологические основания и принципы нашей классической литературы и культуры. Проблема художественного метода Достоевского сегодня – это, прежде всего, проблема той насущной «целостности»⁴ художественного мира гениального русского писателя, которая человеком начала ХХI в. интуитивно улавливается и активно взыскуется, но пока «как клад, в руки не дается».

Вслед за самим Достоевским, его метод чаще всего определяют сегодня как «реализм в высшем смысле»⁵: «Меня зовут психологом, неправда, я лишь реалист в высшем смысле, то есть изображаю все глубины души человеческой»⁶. «Вопрос о «реализме в высшем смысле» как вопрос о художественном методе Достоевского, или, иначе говоря, как вопрос о *тайне* искусства Достоевского <...> занимает мысли всех, кто так или иначе соприкасается с творчеством Достоевского», – подчеркивает, например, П.Е. Фокин⁷.

Уникальная феноменология «реализма в высшем смысле» Достоевского не могла быть сформирована, в частности, вне романтических традиций русской литературы. Одной из них и посвящена данная работа.

В 1824 г. В.А. Жуковский пишет стихотворение под названием «Таинственный посетитель»:

Кто ты, призрак, гость прекрасный?
К нам откуда прилетал?
Безответно и безгласно
Для чего от нас пропал?

Где ты? Где твоё селенье?
Что с тобой? Куда исчез?
И зачем твоё явление
В поднебесную с небес?

Не Надежда ль ты младая,
Приходящая порой
Из неведомого края
Под волшебной пеленой?
Как она, неумолимо
Радость милую на час
Показал ты, с нею мимо
Пролетел и бросил нас.

Не Любовь ли нам собою
Тайно ты изобразил?..
Дни любви, когда одною
Мир для нас прекрасен был,
Ах! Тогда сквозь покрывало
Неземным казался он...
Снят покров; любви не стало;
Жизнь пуста, и счастье – сон.

Не волшебница ли Дума
Здесь в тебе явилась к нам?
Удаленная от шума
И мечтательно к устам
Приложивши перст, приходит
К нам, как ты, она порой
И в минувшее уводит
Нас безмолвно за собой.

Иль в тебе сама святая
Здесь Поэзия была?..
К нам, как ты, она из рая
Два покрыва принесла:
Для небес лазурно-ясный,
Чистый, белый для земли:
С ней все близкое прекрасно;
Все знакомо, что вдали.

Иль Предчувствие сходило
К нам во образе твоём
И понятно говорило
О небесном, о святом?
Часто в жизни так бывало:
Кто-то светлый к нам летит,
Поднимает покрывало
И в далекое манит ⁸.

Иногда кажется, что само это стихотворение до сих пор остается, хотя бы отчасти, своеобразным «таинственным посетителем» в насле-

дии великого русского романтика. «Исследователи и комментаторы творчества Жуковского обычно скупно говорят об этом произведении», – подчеркивает А.С. Янушкевич в своих комментариях к Полному собранию сочинений и писем поэта⁹. Тем не менее и сам А.С. Янушкевич¹⁰, и Ф.З. Канунова, И.А. Айзикова¹¹ в своих фундаментальных исследованиях творчества Жуковского в аспекте русского романтизма определяют это произведение поэта как один из «эстетических манифестов 1818–1824 гг.»¹². В частности, И.А. Айзикова специальное внимание сосредоточивает на особой природе самого «таинственного посетителя»: «Интересно, что в лирике Жуковского 10–20-х годов <...> мотив явления ангела человеку, сам образ ангела, заступившего, как известно из истории религии, место языческих божеств, оказывается очень близок к образу Гения, который рассматривается в античной мифологии как персонализация внутренних свойств личности <...> Образы ангела и гения и связанные с ними <...> мотивы <...> практически синонимичны»¹³. Универсализм русского романтизма, явленный во всей своей полноте, в синтезе религиозного и эстетического, – вот что несет «Таинственный посетитель» Жуковского русской культуре. Универсализм Ангела Жуковского здесь и космогоничен, и антропологичен. Ангел – и посредник между землей и мирами иными, и вестник земному человеку обо всей его возможной духовной полноте. Явление «прекрасного гостя» разворачивается в душе лирического героя стихотворения в гармоническое единство «Надежды» и радости, «Любви» и разочарования, «Думы» и памяти, «Поэзии» и гнозиса, восходящее, в конечном счете, к его «Предчувствию» «небесного, святого», к его личному религиозному опыту.

Как известно, глава II книги шестой романа Достоевского «Братья Карамазовы» «Русский инок» под названием «Из жития в бозе преставившегося иеромонаха старца Зосимы, составлено с собственных слов его Алексеем Федоровичем Карамазовым. Сведения биографические» состоит из четырех разделов, имеющих специальные названия. Это рассказ о детстве, юности и молодости будущего святого старца, пока, в миру, – Зиновия.

Первые два раздела «Жития» – «О юноше брате старца Зосимы» и «О Священном Писании в жизни старца Зосимы» – посвящены детству героя и тем первоначальным, непосредственным его религиозным переживаниям, которые он вынес из своего детства. В связи с данными двумя разделами в целом можно говорить о развернутом использовании Достоевским в «Братьях Карамазовых» житийной традиции.

В этом обозначенном нами сейчас смысле актуализации писателем определенных традиций следующий раздел главы II – «Воспоминание о юности и молодости старца Зосимы еще в миру. Поединок» – совер-

шенно иной. Время молодости Зиновия определено Достоевским серединой 1820-х годов:

...раз в большом обществе удалось мне вдруг “соперника” моего оскорбить будто бы из-за самой посторонней причины, подсмеяться над одним мнением его об одном важном тогда событии – в двадцать шестом году это было (XIV, 269).

Что за «важное событие» обсуждается в 1826 г. – очевидно. Зиновий в этом историко-культурном контексте представлен молодым офицером – веселым собутыльником, дебоширом и повесой, всегда готовым к любовному приключению и к дуэли:

Когда вышли мы офицерами, то готовы были проливать свою кровь за оскорбленную полковую честь <...> Пьянством, дебоширством и ухарством чуть не гордились <...> все эти молодые люди были хорошие, да вели себя скверно, а пуще всех я. <...> И вот покажись мне, что девица расположена ко мне сердечно – разгорелось мое сердце при таковой мечте <...> и вдруг узнаю, что девица уже замужем <...> и запыхал мщением <...> отмщение сие и гнев мой были мне самому до крайности тяжелы и противны <...> а потому как бы сам искусственно разжигал себя (XIV, 268–269), и т.д.

Описание офицерской молодости Зиновия невольно заставляет вспомнить известную статью Ю.М. Лотмана «Декабрист в повседневной жизни»¹⁴, поскольку Достоевский здесь фактически стилизует (насколько это возможно в романном «Житии») романтическую эпоху и нравы дворянской молодежи 1820-х гг.

Именно в этом контексте стилизованного описания русской романтической эпохи 1820-х гг. и возникает в романе стихотворение Жуковского «Таинственный посетитель» (написанное, напомним, в 1824 г.). Следующий, последний – и кульминационный – раздел главы II назван «Таинственный посетитель».

На первый взгляд, это название предельно парадоксально. «Таинственный посетитель», впервые посетивший Зиновия после его отказа от поединка и выхода в отставку, – не Ангел и не Гений, но «один господин, человек уже пожилой», «лет <...> около пятидесяти», «уважаемый всеми, богатый» (XIV, 271). Собственно его «таинственность» оборачивается в мире Достоевского неожиданно и страшно: этот человек – тайный, никем не разоблаченный убийца своей возлюбленной. Его история любви и убийства, наверное, могла бы послужить некоей «достоевской» параллелью к строкам Жуковского о Любви «Снят покров; любви не стало; / Жизнь пуста, и счастье – сон»:

Таинственный гость, а теперь уже друг мой, поведал мне, что вначале даже и совсем не мучился угрызениями совести. Мучился долго, но не тем, а лишь сожалением, что убил любимую женщину, что ее нет уже более, что, убив ее, убил любовь свою, тогда как огонь страсти оставался в крови его (XIV, 278).

Но как сущностно, глубоко могут быть соотнесены стихотворение Жуковского и история о «таинственном посетителе» Достоевского? Представляется, что ответ на данный вопрос и следует искать в сфере осмысления природы художественного метода Достоевского как «реализма в высшем смысле».

Прежде всего, хотелось бы еще раз вернуться к вопросу о совмещении двух традиций в этих фрагментах «Братьев Карамазовых». Религиозный и эстетический универсализм романтического стихотворения Жуковского актуализируется Достоевским в рамках романного использования житийной традиции. Природа его «реализма в высшем смысле» определяется, в данном случае, этим специфическим синтезом житийного и романтического.

В целом, вся глава II «Из жития в бозе преставившегося иеромонаха старца Зосимы...» посвящена процессу преобразования мирского юноши Зиновия в будущего святого старца Зосиму, молодого офицера – в монаха:

Когда получу отставку, тогда тотчас же в монастырь пойду (XIV, 272).

Отсюда – действительно, поразительная динамика образа главного героя от стихотворения Жуковского к тексту Достоевского: «призрак» – «гость прекрасный» – «один господин» – «таинственный гость» – «теперь уже друг мой». В мире «реализма в высшем смысле» Достоевского духовным вестником земному человеку становится, прежде всего, другой земной человек. На путях религиозного становления Зиновия духовными вестниками для него были те люди, которые находились рядом с ним все это время, сама земная жизнь. Сначала рано умерший старший брат Маркел заповедал ему, что

жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал бы на всем свете рай (XIV, 262).

Думается, представление о том, что «жизнь есть рай» – это один из важнейших принципов «реализма в высшем смысле» Достоевского.

Именно эти слова Маркела вспомнит Зиновий в переломный момент своей жизни в ожидании поединка. Здесь «вестником» для него станет избитый им накануне денщик Афанасий:

Я вдруг поднялся, спать более не захотел, подошел к окну, отворил <...> Что же это, думаю, ощущаю я в душе моей как бы нечто позорное и низкое? Не оттого ли, что кровь иду проливать? Нет, думаю, как будто и не оттого. Не оттого ли, что смерти боюсь, боюсь быть убитым? Нет, совсем не то, совсем даже не то... И вдруг сейчас же догадался, в чем было дело: в том, что я вчера избил Афанасия! <...> Словно игла острая прошла мне сквозь душу насквозь (XIV, 270).

Надежда, Любовь, Дума, Поэзия и Предчувствие Жуковского в художественном мире Достоевского оборачиваются Со-вестью.

Страшные муки совести – основная тема рассказа «таинственного посетителя» Зиновия:

Таинственный гость, а теперь уже друг мой, поведал мне, что вначале даже и совсем не мучился угрызениями совести <...> Но все же стал наконец задумываться с мучением, не в подъем своим силам. Наконец начала ему грозно и горько мерещиться кровь убитой жертвы, погубленная молодая жизнь ее, кровь, вопиющая о мщении <...> Чем дальше, тем сильнее становилось страдание <...> Мечтал он так: восстать, выйти перед народом и объявить всем, что убил человека (XIV, 278–279).

У Зиновия он ищет духовной поддержки:

– Решайте же судьбу! – воскликнул опять.

– Идите и объявите, – прошептал я ему. Голосу во мне не хватило, но прошептал я твердо. Взял я тут со стола Евангелие, русский перевод, и показал ему от Иоанна, глава XII, стих 24: «Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода» (XIV, 281).

Вот он, момент духовного преображения Зиновия в Зосиму: первое проповедование Евангелия несчастному убийце, измученному муками совести. Теперь Зиновий для своего «таинственного посетителя» сам стал тем духовным вестником, тем «таинственным гостем», который говорит ему «о небесном, о святом», неся спасительное слово Евангелия.

Очевидно, что значение евангельского текста, приведенного Достоевским здесь, в «Таинственном посетителе», в контексте всего романа «Братья Карамазовы» уникально. В художественном мире Достоевского стихотворение Жуковского «Таинственный посетитель» оказалось вовлечено в глубинный духовный диалог с самим евангельским эпиграфом романа:

Истинно, истинно говорю вам, если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода. (Евангелие от Иоанна, гл. XII, ст. 24) (XIV, 5).

Безусловно, этот факт требует дальнейшего специального исследования. Сейчас же хотелось бы только подчеркнуть, на наш взгляд, самое главное: традиция романтического универсализма Жуковского определяет многие значимые «высшие смыслы» реализма Достоевского.

Примечания

¹ Трофимов Е.А. Мир Жуковского в творческом осмыслении Достоевского // Достоевский и мировая культура: Альманах. М., 1997. № 9. С. 206–215; *Он же*. Мир Жуковского в творческом осмыслении Достоевского: Статья вторая // Достоевский и мировая культура: Альманах. М., 1998. № 10. С. 142–149; *Кунильский А.Е.* «Лик земной и вечная исти-

на». О восприятии мира и изображении героя в произведениях Ф.М. Достоевского. Петрозаводск, Изд-во ПетрГУ, 2006. С. 276–285.

² *Жулякова Э.М.* Поэтика «невыразимого» в романе «Идиот» (Ф.М. Достоевский и В. А. Жуковский) // Роман Достоевского «Идиот»: раздумья, проблемы. Иваново, Иванов. гос. ун-т, 1999. С. 47–59; *Она же.* «Светлана» В.А. Жуковского в художественном мире Ф.М. Достоевского // Достоевский и время. Сб. статей. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. С. 81–94; *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский в мире Достоевского // Там же. С. 74–80.

³ *Янушкевич А.С.* В.А. Жуковский в мире Достоевского. С. 75.

⁴ *Щенников Г.К.* Целостность Достоевского. Екатеринбург, 2001.

⁵ Круглый стол «Проблема «реализма в высшем смысле» в творчестве Достоевского // Достоевский и мировая культура: Альманах. СПб.; М., 2004. № 20. С. 43–96; *Степанян К.А.* «Сознать и сказать». «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского. М., 2005; *Она же.* «Реализм в высшем смысле» как творческий метод Ф.М. Достоевского: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007.

⁶ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 27. С. 65. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием в скобках тома и страницы.

⁷ Круглый стол «Проблема «реализма в высшем смысле» в творчестве Достоевского... С. 55.

⁸ *Жуковский В.А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 2000. Т. 2. С. 239–240.

⁹ Там же. С. 626.

¹⁰ *Янушкевич А.С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985.

¹¹ *Канунова Ф.З., Айзикова И.А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия (1820–1840-е гг.). Новосибирск, 2001.

¹² *Янушкевич А.С.* Этапы и проблемы творческой эволюции В.А. Жуковского. С. 139.

¹³ *Канунова Ф.З., Айзикова И.А.* Нравственно-эстетические искания русского романтизма и религия... С. 76.

¹⁴ *Лотман Ю.М.* Декабрист в повседневной жизни (Бытовое поведение как историко-психологическая категория) // Лотман Ю.М. Избр. статьи: В 3 т. Таллин, 1992. Т. 1. С. 296–336.